

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-330-343
УДК 821.161.1

По обе стороны железного занавеса: Иван Бунин и Антонин Ладинский

© 2019, А.Л. Горобец

Аннотация: На материале дневниковых записей, воспоминаний и писем в статье воссоздается история взаимоотношений Ивана Бунина и Антонина Ладинского в межвоенном Париже в 20–30-е гг. XX в. В то время как И. Бунин был признанным мэтром русской литературы и представителем «старшего» поколения в литературной иерархии русской эмиграции, в середине 20-х гг. А. Ладинский только осуществлял свои первые литературные публикации. О том, как развивались взаимоотношения литераторов и представителей разных литературных поколений и какое влияние оказал Бунин на Ладинского, свидетельствуют ранее не публиковавшиеся материалы: письма, дневники, рукописи мемуаров «Встречи с Буниным» и «Парижские воспоминания» Антонина Ладинского. Статья основана на не опубликованных материалах из личного архива Буниных, хранящегося в Русском архиве Лидса, и личном фонде А. Ладинского, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве.

Ключевые слова: И.А. Бунин, А.П. Ладинский, архивные материалы, эмиграция, литературные поколения, взаимоотношения «старших» и «младших», эгодокументы, дневники, мемуары, письма, межвоенный Париж.

Информация об авторе: Анастасия Леонидовна Горобец, магистр философии, Венский университет, Австрия.

E-mail: anastasija.gorobez@univie.ac.at

Цитирование: *Горобец А.Л.* По обе стороны железного занавеса: Иван Бунин и Антонин Ладинский // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 330–343.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-330-343

В судьбах первого нобелевского лауреата в истории русской литературы, академика Ивана Бунина и его младшего современника, поэта и писателя, реэмигранта Антонина Ладинского «железные занавесы» опускались неоднократно, то объединяя их по одну сторону, то разводя в противостоящие лагеря. Впервые Бунин и Ладинский встретились в Париже, вынесенные потоком послеоктябрьской эмиграции за пределы России и ставшие частью литературного процесса эмигрантского

Парижа. Как и для многих парижских младоэмигрантов, то есть поэтов и писателей формально начавших свое литературное творчество за пределами России, для Ладинского Иван Бунин был не только знаменитым писателем, признанным мэтром, представителем «старшего» поколения, что было немаловажно для эмигрантской литературной иерархии, но и живым источником богатого русского языка¹. Знакомство Ладинского с Буниным—писателем произошло в школьные годы. Еще будучи гимназистом Псковской гимназии Антонин Ладинский (род. 1895) зачитывался произведениями Бунина, бывшего к 10-м годам XX века уже знаменитым писателем. В рукописи неопубликованных «Парижских воспоминаний», написанных Ладинским в 1955 г. в Москве, есть свидетельство о роли Бунина в формировании писательской биографии Ладинского:

В наши гимназические годы Бунин был одним из тех, кто научил нас, гимназистов, изнывавших на уроках словесности, любить русскую литературу. У многих из нас он даже зародил мечту самим стать писателями, хотя тогда и казалось, что писатели — люди совершенно другого порядка, полубоги. Мы жили в провинциальных городах, где вяло тянулась серенькая жизнь. Какое событие было в доме, когда приходил бородатый почтальон, весь в инее, в башлыке, и вынимал из кожаной сумки очередной номер «Нивы» и в виде «приложения» к нему книгу Бунина или Куприна.

<...>

Слава Бунина в те годы была уже всероссийской. В те годы нам казалось, что поэтами и писателями могут быть только отдельные счастливые избранники судьбы. Позднее мы поняли, что это не только

¹ Помимо Антонина Ладинского общением и профессиональным мнением Бунина чрезвычайно дорожил начинающий автор Владимир Набоков, который в начале литературной карьеры посылал Бунину свои стихотворные тексты и писал проникновенные письма: «посылаю вам несколько — наудачу выбранных — стихотворений и пользуюсь случаем сказать вам, как ободрило меня то, что писали вы о моем робком творчестве, — тем более, что хорошие слова эти исходят именно от вас — единственного писателя, который в наш кощунственный и косноязычный век спокойно служит прекрасному, чужая прекрасное во всем <...>. Простите, что так неладно выражаюсь: это так же трудно, как признание в любви» (*Шраер М.* Бунин и Набоков. История соперничества. М., 2014. С. 33–34). Набоков был первым рецензентом первого стихотворного сборника Ладинского «Черное и голубое», опубликованного в Париже в 1931 г. в издательстве «Современные записки». Эта рецензия, появившаяся в газете «Руль» под псевдонимом Владимир Сирин уже 28 января, была первым отзывом на творчество Ладинского в печати. В своей рецензии Набоков не только выделяет Ладинского среди «молодых» поэтов, но и отмечает в его стихах влияние Бунина, не замеченное ни одним другим рецензентом (*Набоков В.* Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. № 3092, 28 янв. С. 2).

счастье, но и тяжкий и ответственный перед народом труд. Бунин был одним из тех, у кого нужно учиться этому литературному труду².

Личное знакомство Ладинского с Буниным состоялось вскоре после переезда Ладинского из Египта в Париж в 1924 г. В Египте Ладинский оказался в 1920 г. с остатками армии Деникина на госпитальном судне и находился в союзническом лагере для беженцев Тель-эль-Кибир, в который попал кроме того и Иван Билибин. Именно под влиянием Билибина формируются египетские впечатления Ладинского, определившие впоследствии возникновение не только устойчивого поэтического мотива, но и целого ряда рассказов и очерков, публиковавшихся в газете «Последние новости» и вызвавших особенный интерес Бунина. Сохранилась записка Бунина от 27 июня 1932 г., отправленная Ладинскому после появления в газете очерка «Письмо из Египта»³: «Дорогой Антонин Петрович, жму Вашу руку и целую Вас за “Письмо из Египта”. Ив<ан> Бунин»⁴. 4 июля Ладинский пишет Бунину ответное письмо из Ля Фавьер в Провансе⁵:

Ant<onin> Ladinsky

La Favière

par

Bormes

Var

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Сердечно благодарю Вас за внимание, которое Вы оказали моей маленькой вещице о Египте и которое мною не заслужено. Теперь я живу (на 2 месяца — с ногой неприятности) совсем недалеко от Вас и, может быть, найду случай явиться к Вам на поклон. Здесь — чудесно. Я впервые на юге Франции и в восторге от моря, от воздуха, солнца и цикад.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 10, 11. Рукопись «Парижских воспоминаний» сохранилась в нескольких вариантах. До настоящего времени была осуществлена публикация отдельных отрывков текста в альманахе «Встречи с прошлым» (О Ф.И. Шаляпине, И.А. Бунине, К.Д. Бальмонте... (Из «Парижских воспоминаний А.П. Ладинского») / Публ. Е. Филькиной // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 214–227).

³ Последние новости. 1932. № 4113, 26 июня. С. 5.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 56.

⁵ В Ля Фавьер департамента Вар приобрели земельные участки и построили небольшие дачные домики Иван Билибин с женой Александрой Щекатиной-Потоцкой, Саша Черный с женой Марией Гликберг, Павел Милоков и многие другие. Ладинский с женой Татьяной снял комнату и провел в 1932 г. в русском поселении в Ла Фавьер 2 месяца (с 1 июня до 2 сентября), став свидетелем смерти Саши Черного (А.М. Гликберга) 5 августа.

Мой низенький поклон Вере Николаевне, Галине Николаевне и Леониду Федоровичу⁶.

Позвольте мне крепко пожать Вашу руку. Большое Вам спасибо за карточку, я буду ее хранить, как зеницу ока.

Преданный Вам Ант<онин> Ладинский⁷.

Бунин откликнулся на это письмо приглашением в Грасс на виллу Бельведер, Ладинский поблагодарил его открыткой от 21 июля с видом морского курорта Лаванду:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

спасибо Вам за любезное приглашение. Очень бы хотелось побы-
вать у Вас, но не знаю удастся ли. Позвольте пожать Вашу руку.

Преданный Вам Ант<онин> Ладинский⁸.

Факт написания письма Бунину Ладинский фиксирует в дневнике: «4 июля. В 4 часа пойдем купаться. Ответил Бунину на его хвалебное письмо, написанное на карточке-фотографии по поводу моего “Письма из Египта”»⁹.

Однако, несмотря на кажущуюся нежность, доверительные отношения между Буниным и Ладинским сложились не сразу. «Молодому» поколению приходилось в середине 20-х годов еще отстаивать свои права. По инициативе и при активном участии Ладинского, Ю. Терапиано, Д. Кнута, В. Мамченко и В. Андреева в 1925 г., как известно, был создан Союз молодых поэтов и писателей в Париже, призванный защищать в первую очередь право «молодого» поколения на существование и публикации¹⁰. В 1926 г. Ладинский стал председателем Союза, в том же году стихотворения Ладинского начинают печатать сразу несколько журналов: после парижского «Звена» они появляются в «Современных записках», пражских «Воле России» и «Своими путями», рижских «Пе-

⁶ Имеются в виду, помимо Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, Галина Кузнецова и Леонид Зуров, жившие с Буниными в Грассе.

⁷ Русский архив в Лидсе (РАЛ). MS 1066/3509.

⁸ РАЛ. MS 1066/3504. Примечательны комментарии Бунина, сделанные на открытке цикламеновой шариковой ручкой. Он не только исправляет орфографическую ошибку, сделанную Ладинским в адресе (Ладинский пишет “Grass” вместо “Grasse”), но и дополнительно надписывает имя отправителя «А.П. Ладинский» и название курорта на лицевой стороне открытки по-русски «Лаванду». Различного рода маргиналии содержат и другие письма Ладинского.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 48 об.

¹⁰ Союз молодых поэтов и писателей являлся организацией профессионального типа и не выдвигал никакой определенной литературной программы, благодаря чему мог объединять в своей среде представителей самых различных школ и направлений. См. об этом: *Терапиано Ю.* Встречи: 1926–1971 / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент., указ. Т.Г. Юрченко. М., 2002. С. 166.

резвонах». На июньский номер журнала «Своими путями» (№ 12/13), в котором было напечатано стихотворение Ладинского «Сентиментальный корабль», Бунин реагирует одноименной заметкой в газете «Возрождение» от 22 июля:

Плохие пути, горестный уровень!

Правда, имена, за исключением Ремизова, все не громкие <...>. Правда, всё это люди, идущие путями «новой» русской культуры, недаром употребляют они большевистскую орфографию. Но для кого же необязателен хотя бы минимум вкуса, здравого смысла, знания русского языка?¹¹

Приводя затем примеры опубликованных в номере стихотворений «молодых» поэтов, Бунин упоминает и Ладинского, подражающего, по его мнению, Третьяковскому. По свидетельству Юрия Софиева,

самолюбивый Ладинский очень обиделся и рассердился на Бунина. Быть «каким-то неизвестным» Ладинским для Бунина он не мог. Они были не только знакомы, но и постоянно встречались на литературных вечерах «Зеленой Лампы», а по воскресеньям и за чайным столом у Мережковских. <...> При первой же встрече Антонин свои справедливые обиды Бунину высказал и, рассказывая об этом, прибавлял: «И знаете, Бунин извинился»¹².

На бунинскую открытку с извинениями Ладинский ответил следующим письмом:

18 av. des Gobelins V.
4/VIII/26.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,
меня в высшей степени тронуло, что Вы мне написали. Ваше письмо я сохранил, как память о Вашем благородном характере. Я очень рад, что вся эта история с «избиением младенцев» так закончилась. Позвольте позжать Вашу руку и примите уверения в моем искреннем и глубоком уважении.

Ант<онин> Ладинский¹³.

¹¹ Бунин И. «Своими путями» // Возрождение. 1926. № 415, 22 июля. С. 3.

¹² Софиев Ю. Синий дым. Стихи и проза / Сост. Н. Чернова. Алматы, 2013. С. 52. «В начале эмиграции, может быть, в течение первого десятилетия до начала 30-х годов, многие “старички”, “маститые” писатели, в том числе и Иван Алексеевич, не особенно милостиво и внимательно относились к так называемому “молодому поколению” литераторов <...>. Этому поколению пришлось употребить много усилий, упорства и настойчивости для своего самоутверждения в эмигрантской литературной среде» (Ibid.).

¹³ РАЛ. MS 1066/3503.

Несмотря на поколенческие разногласия и необходимость отстаивать позиции «молодых» Ладинский в дневнике критически оценивал вклад «молодого» поколения в литературный процесс, отдавая пальму первенства Бунину:

В «Рождественском» номере» мой рассказ¹⁴. Хвалят. Но я-то знаю, что <...> так писать для российской литературы нельзя, как и многим другим. Молодой писатель Я<нов>ский как-то сказал: Бунин, это — трансатлантический пароход, а мы (молодые) — ракета в межпланетные пространства, на луну.

Гордо звучит. Я лично боюсь, что пароход «Бунин» вполне стоящий пароход, не «Чехов», конечно, и не «Толстой», а вот наши ракеты едва ли долетят до луны. М<ожет> б<ыть>, какая-нибудь одна и долетит, но большинство упадут в лужу, пошипят и потухнут¹⁵.

На превосходстве Чехова над Буниным Ладинский продолжает настаивать двадцать лет спустя в Москве, вспоминая встречи с Буниным в Париже:

Бунин был безусловно умным человеком, но с хитринкой и был о себе очень высокого мнения. Премию он получил, конечно, по заслугам. Ее можно было бы дать ему за один рассказ «Человек из Сан-Франциско». Но едва ли он написал бы его, если бы не было примера Чехова. Чехов, на мой взгляд, был гениальнее. Однажды, на Монпарнассе зашел спор о Чехове и Бунине. А<дамович> из снобизма или чтобы Ив<ану> Алексеичу передали, доказывал, что Бунин «выше» Чехова. Я яростно протестовал. Очевидно Бунину рассказали об этом диспуте. Как-то мы встретились с ним на каком-то литер<атурном> собрании. Бунин подошел, поздоровался и, глядя куда-то в сторону, очевидно ему было все-таки неловко, сказал: «Ведь что Чехов, Чехов все в одну дудку. А я... разнообразен».

Я не выдумал эту историю и мне не для чего было бы ее выдумывать. Я так растерялся, что не нашелся ничего сказать, чтобы оправдаться к<а>к-нибудь в его глазах, п<отому> ч<то> всегда ценил его талант¹⁶.

¹⁴ Рассказ знакомого // Последние новости. 1935. № 5389, 25 дек. С. 5.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 27, 27 об.

¹⁶ «Московский дневник 1955 г.» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. Л. 34 об.). Г. Адамович опубликовал в октябре 1933 г. в журнале «Современные записки» статью «Лица и книги», в которой он в частности утверждал о Бунине следующее: «Замечательный писатель. Оглядываясь и поводя итоги, надо признать, что в области чистой «беллетристики» это лучшее наше достояние со времен Толстого... Не исключая и Чехова, насчет которого, скажу мимоходом, я лично еще остаюсь при «особом мнении», — вопреки теперешнему хорошему тону,

Присуждение Бунину Нобелевской премии по литературе в 1933 г. стало для всей русской эмиграции событием чрезвычайно важным, широко отмечавшимся и взволновавшим умы всей русской диаспоры. Ладинский узнал о присуждении премии одним из первых в редакции «Последних новостей» 9 ноября и отправил Бунину 11 ноября поздравительное письмо:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,
среди всяких блестящих приветствий примите и мое скромное поздравление. Так приятно за Вас и за русскую литературу. Приятно и то, что премию получил такой независимый и гордый русский человек, как Вы.

Почтительно целую руку Вере Николаевне и поздравляю с именинником. Какой это праздник для Вас и Ваших друзей!

Преданный Вам Ант<онин> Ладинский¹⁷.

К радости от получения премии первым русским писателем в истории литературы примешивались ревность соперничества (на Нобелевскую премию претендовало сразу несколько эмигрантских писателей)¹⁸ и различного рода обиды и претензии¹⁹. Ладинский вспоминает, уже

требующему преклонения <...>» (*Адамович Г.* Лица и книги // *Современные записки.* 1933. Кн. 53. С. 326).

¹⁷ РАЛ. MS 1066/3505. Около даты — 11.11.1933 — в правом углу письма схематично нарисована Буниным улыбка.

¹⁸ Об обстоятельствах получения Буниным Нобелевской премии и других кандидатах на премию см.: *Марченко Т.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М., 2017.

¹⁹ 9 ноября 1934 г. В.Н. Бунина сделала в дневнике следующую запись: «Ровно год, как раздался звонок из Стокгольма и все завертелось. Кутерьма пошла и до сих пор мы не обрели покоя. Слава, деньги, поздравления, восторги, зависть, требования, обиды, радость, что можно помочь, огорчение, разочарование, бессилие, лезть — вот чувства, которые или мы испытали, или окружающие. И все это мешалось, путалось, переплеталось, и до сих пор мы точно во сне» (*Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1982. Т. 3. С. 12*). Об обстоятельствах вручения Нобелевской премии и возникших после присуждения премии многочисленных амбивалентных реакциях и материальных претензиях см.: *Белобровцева И.* Нобелевская премия в восприятии И.А. Бунина и его близких // *Русская литература.* 2007. № 4. С. 158–168; *Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. / Под ред. М. Грин. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1981; Седых А.* Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1962; *Кузнецова Г.* Градский дневник / Вступ. ст., коммент. О. Демидовой. М., 2017; *Струве Г.* Историко-литературные заметки: К истории получения И.А. Буниным Нобелевской премии // *Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1967. Т. 1; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М., 2004; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М., 2010; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди» (Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961) / Сост., ред., подгот. текста Е. Пономарева и Р. Дэвиса. М., 2014.*

будучи в Москве, о найденной им во время дежурства в редакции «Последних новостей» открытке Бунина, адресованной Михаилу Осоргину:

Я как-то разбирал почту в редакции «Пос<ледних> Нов<остей>». Вдруг на глаза попала открытка, самая обыкновенная открытка, но на ней стояло неприличное заборное слово и подпись: Ив<ан> Бунин. Я не мог не прочитать ее. Тем более, что все содержание открытки составляли два слова: «Выкуси!»

Дело в том, что на премию метили и другие эмигрантские писатели. В том числе Осоргин, пославший в Стокгольмский университет свои произведения. Это возмутило Бунина. Получив премию, он адресовал открытку сопернику. Я спрятал открытку в карман и при случае передал Осоргину. Тот прочел, покраснел, и с гримасой спрятал открытку, поблагодарив меня, когда я сказал, что не могу ее не передать ему и что ее никто не читал.

Хотелось получить премию и Мережковскому. Говорят (да, я, кажется, сам от Мережковского слышал, когда еще, до войны, водил с ним знакомство), что Мережковский предложил Бунину перестраховку: разделить премию, если кто-нибудь из них двоих ее получит. Бунин отказался²⁰.

Хотя Ладинский и не входил в состав близкого окружения Бунина, однако он имел возможность регулярного общения с мэтром эмигрантской литературы на протяжении всего четвертьвекового пребывания в Париже с 1924 по 1950 г. Их встречи происходили в монпарнасских кафе, в эмигрантских салонах, на литературных вечерах, на многочисленных балах русской эмиграции, публичных выступлениях, театральных представлениях, в редакции газеты «Последние новости», в приемной которой состоял на службе Ладинский и постоянными авторами которой были оба писателя. Бунин был постоянным гостем на поэтических вечерах Ладинского и председательствовал на одном из таких вечеров, который состоялся 16 апреля 1935 г. в «Очаге русской культуры» на av. de Токуо. В своем дневнике Ладинский оставил свидетельство этого события:

<...> сегодня мой вечер. Народу очень много, прибывает и прибывает. Явился Бунин, согласившийся председательствовать. Перед началом разговор с Буниным:

— Трудно писать римские романы. Это все кवादисы²¹ нагадили. Ну, что ж напишешь. Опять загородный пир и ветерок колебал пламя свечильник... Римляне возлежали...

²⁰ «Московский дневник 1955 г.» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 35).

²¹ Имеется в виду «Quo vadis» («Камо грядеши») — исторический роман Генрика Сенкевича о Древнем Риме эпохи императора Нерона, преследованиях христиан и сожжении Рима. Роман был опубликован на русском языке полностью в 1896 г., переведен на многие языки и стал мировым бестселлером. В 1905 г. Г. Сенкевич

— Да ведь они в самом деле возлежали.

— Да возлежали. Без порток.

Бунин выглядит не плохо, такой же барин, как всегда. Еще присутствуют: Алданов, Теффи, Ходасевич, Зайцев, Бенуа, Билибин, Гронский, Вейдле, Адамович... Мережковские отказались прийти из-за Бунина. Будто бы они встретили его, а он на другую сторону перебежал.

Наконец поднялись на эстраду. Б<унин> за стол. Я стоя прочел «византийские» рассказы: Анна, сестра Василия II, осада Корсуня, обряд рукоположения друнгария адмирала виз<антийского> флота и т.д.²² Очень много по этому поводу прочел. Ходил в Библиотеку Института славянских языков на ул. Michelet. Там так приятно: книги, каждому отдельный удобный стол. Рассказы, очевидно понравились, похлопали. Потом стихи. В общем — «самый удачный вечер сезона». «Заработал» — около 1000 фр<анков>²³.

На следующий день 17 апреля Ладинский послал Бунину письмо с благодарностью за участие в его вечере:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,
позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за оказанное мне внимание. Вчера Вы председательствовали на моем вечере, были аплодисменты, а сегодня опять телефон, коридор, и доклады по начальству. C'est la vie, как сказал по-французски Расин.

Позвольте мне пожать Вашу руку.

Преданный Вам навсегда Ант<онин> Ладинский.

В суетлоке я потерял Вас и даже ничем не угостил²⁴.

был удостоен Нобелевской премии по литературе. К 1935 г. было осуществлено 2 экранизации романа в 1901 и в 1913 гг.

²² Ладинский работал в это время над романом «XV легион» из истории падения Римской империи эпохи императора Каракаллы, напечатанном в Таллине в 1937 г., и романом «Голубь над Понтом» из истории Византии X в. о византийской принцессе Анне Порфирогените, ее браке с князем Владимиром и принятии им христианства, опубликованном также в Таллине в издательстве «Русская книга» в 1938 г. К корпусу византийских текстов могут быть отнесены «Анна Багрянородная» (Последние новости. 1935. № 5148, 28 апр. С. 3), «Борисфен, река скифов» (Русские записки. 1937. № 2. С. 59–71), «В библиотеке Прокопия» (Последние новости. 1934. № 4945, 7 окт. С. 4), «В Херсонесе Таврическом» (Последние новости. 1935. № 5183, 2 июня. С. 4), «Падение Константинополя» (Иллюстрированная Россия. 1931. № 34. С. 8–10), «Под стенами Херсонеса» (Иллюстрированная Россия. 1938. № 23. С. 6–7) — глава из романа «Голубь над Понтом».

²³ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 15, 15 об.

²⁴ РАЛ. MS 1066/3570. Ладинский часто сетовал на свое место работы в приемной редакции «Последних новостей»: «его любимым рефреном стали иронические слова — “Мы — телефонисты”, за которыми подразумевалось “где уж нам!”» (*Бахрах А.* По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 147); «“Затерли нас, задавили. На лакейской должности состою. А вы вот — машинисткой. Была бы Россия, были бы у нас виллы в Крыму, да не от дедушки или папаша, а собственные, благоприобретенные, были бы мы знаменитыми.. А теперь один хам даже на чай дал”» (*Берберова Н.* Курсив мой. München, 1972. С. 321–322).

Начало Второй мировой войны и оккупация Парижа привели к массовому отъезду из Парижа представителей русскоязычной диаспоры и закрытию эмигрантских периодических изданий. Последние из них прекратили свое существование в 1940 году, 6 июня 1940 г. вышел последний номер «Последних новостей». Вместе с редакцией газеты Ладинский был эвакуирован в Пуатье, жил затем в Оверне и обращался к своим знакомым, находящимся вне зоны оккупации, с просьбой прислать ему необходимые для пересечения демаркационной линии документы, намереваясь отправиться на юг Франции. Одним из знакомых был И.А. Бунин. 19 сентября 1940 г. Ладинский пишет Бунину письмо из Бертолена департамента Аверон, входящего в состав административного региона Овернь:

Vanc 19 сент<ября> 1940
 par Bertholène
 (Aveyron)

Глубокоуважаемый и дорогой
 Иван Алексеевич,

Вот уже скоро 3 месяца, к<a>к я живу в глухой овернской деревушке и, вероятно, все мои добрые знакомые даже забыли, что существует на свете такой человек, по фамилии Ладинский. Теперь я решился напомнить Вам о своем существовании.

Помню, что иногда Вы адресовали мне ласковое слово и позволю себе обратиться к Вам с просьбой. Хотелось бы перебраться в департ<амент> Alpes Maritimes. Не могли бы Вы прислать мне certificat d'hébergement²⁵, которое я должен приложить к прошению для префекта. Здесь я прожил благополучно несколько недель, но теперь начинают идти дожди, скука смертельная и не с кем слова сказать. Единственный приятель мой собака Тигру. Хотелось бы поселиться где-нибудь недалеко от Грасса или в самом Грассе.

Тут, если угодно, даже поэтично. Какие волны! Какие дома с очагами! От скуки пишу (для своего собственного удовольствия), но дальше становится немогогу.

В Париж возвращаться очень бы не хотелось. Что там делается, я не знаю. И вообще в этой деревушке я отрезан от всего мира. Очень было бы приятно получить от Вас весточку.

Г. Кузнецова записывает со слов Г. Адамовича: «О Ладинском говорил, что несмотря на все хвалебные рецензии о нем, он все недоволен. Сидит под телефоном в “Последних новостях” вот так (он, показывая, плачевно подпирал голову рукой и говорит “Все равно Блоком не быть!”)» (*Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 2017. С. 214*).

²⁵ Свидетельство о месте жительства, прописке.

Итак, дорогой Иван Алексеевич, вспомните о Вашем адъютанте по бальной части и помогите бедному служителю муз. С нетерпением жду от Вас ответа.

Привет Вере Николаевне и всем Вашим.

Хотелось бы знать также, где сейчас Mme Marcus (Часинг²⁶)!

Преданный Вам

Ант<онин> Ладинский²⁷.

Бунин прислал Ладинскому ответную открытку из Грасса, датированную 25 сентября 1940 г.:

Дорогой Антонин Петрович,

очень рад был получить от Вас весть и рад буду видеть Вас в наших местах. Приглашение послать Вам, увы, никак не могу — делал их уже слишком много и на меня, при засвидетельствовании моей подписи, стали уже косо смотреть. <...>

Ив<ан> Бунин²⁸.

Бунин предложил адрес живущего по соседству знакомого — отца Лидии Часинг, который обещал помочь, Ладинский, однако, вернулся в Париж и провел всю войну в оккупированном городе. Но история взаимоотношений Ладинского и Бунина и, тем более, влияния Бунина на судьбу Ладинского на этом не заканчивается.

²⁶ Часинг, Лидия (Tschassing-Marcus), урожд. Лидия Викторовна Арсеньева — писательница, состояла в дружеских отношениях с Ладинским и входила в круг знакомых Буниных. Ладинский написал рецензию на книгу рассказов Арсеньевой (Лидия Арсеньева (Часинг): Концерт // Современные записки. 1937. № 65. С. 433). В эссе «О Куприне» Арсеньева упоминает о своих встречах с Ладинским и описывает обстоятельства несостоявшейся дуэли между Куприным и Ладинским, свидетельницей которых она стала (*Арсеньева Л. О Куприне // Грани. 1959. № 43. С. 125–131.*)

²⁷ РАЛ. MS. 1066/3506.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1. Часть открытки вместе с маркой и фрагментом текста отрезана.

Литература

Белобровцева И. Нобелевская премия в восприятии И.А. Бунина и его близких // Русская литература. 2007. № 4. С. 158–168.

Варшавский В. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2010. 544 с.

Горобец А. Метаморфоза текста или метаморфоза сознания в творчестве Антонина Ладинского // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 34. С. 243–253. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_gorobets.pdf (дата обращения: 08.02.2019).

Горобец А. «После смерти» Антонина Ладинского // Rossica. 2012. С. 189–199.

Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции: В 3 т. / Предисл. и указ. имен О. Коростелева. Т. 2: Россия во Франции. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. 512 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 584 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. 536 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

И.А. Бунин: Pro et contra (Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей). Антология / Сост. Б.А. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, коммент. Б.В. Аверина, М.В. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лapidус. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 1001 с.

Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология / Под общ. ред. Н. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 928 с.

Кузнецова Г. Грасский дневник / Вступ. ст., коммент. О. Демидовой. М.: Изд-во АСТ, 2017. 464 с.

Ладинский А. Лидия Арсеньева (Чассинг): Концерт // Современные записки. 1937. № 65. С. 433.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1 / АН СССР. ИМЛИ. им. А.М. Горького. Ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин при участии Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1973. 696 с.

Марченко Т. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник. 2017. 671с.

О Ф.И. Шаляпине, И.А. Бунине, К.Д. Бальмонте... (Из «Парижских воспоминаний» А.П. Ладинского) / Публ. Е. Филькиной // Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Советская Россия, 1988. С. 214–227.

Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М. Грин // Новый журнал. 1980. № 140. С. 157–181.

Софиев Ю. Синий дым. Стихи и проза / Сост. Н. Черновой. Алматы, 2013. 244 с.

Тератиано Ю. Встречи: 1926–1971 / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент., указ. Т.Г. Юрченко. М.: Intrada, 2002. 384 с.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.

Шраер М. Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 222 с.

References

Belobrovtsseva I. Nobelevskaia premiiia v vospriiatii I.A. Bunina i ego blizkikh [Nobel Prize as perceived by I.A. Bunin and his relatives]. *Russkaia literatura*, 2007, no. 4, pp. 158–168. (In Russ.)

Gorobets A. Metamorfoza teksta ili metamorfoza soznaniia v tvorchestve Antonina Ladinskogo [Metamorphosis of text or metamorphosis of consciousness in Antonin Ladinsky's works]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2010, no. 34. pp. 243–253. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_gorobets.pdf (accessed: 08.02.2019). (In Russ.)

Gorobets A. “Posle smerti” Antonina Ladinskogo [“After Death” by Antonin Ladinsky]. *Rossica*, 2012, pp. 189–199. (In Russ.)

Gul' R. *Ia unes Rossiiu. Apologiia emigratsii: V 3 t. T. 2: Rossiia vo Frantsii* [I've taken Russia away: The apologia of émigrés. Vol. 2: Russia in France], intro. by O. Korostelev. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2001. 512 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. I [I.A. Bunin. New materials. Vol. I], comp., ed. by O. Korostelev and R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. 584 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. II [I.A. Bunin. New materials. Vol. II], comp., ed. by O. Korostelev and R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 536 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. III: “...kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi”: Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961 [I.A. Bunin. New materials. Vol. III: “...when close people write to each other”: Letters of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961], comp., ed., comment. by E.R. Ponomarev and R. Davis, articles by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

I.A. Bunin: Pro et contra (Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei). Antologiia [I.A. Bunin: Pro et contra (Ivan Bunin's personality and works characterized by Russian and foreign thinkers and researchers). Anthology], comp. by B.A. Averin, D. Riniker, K.V. Stepanov, comment. by B.V. Averin, M.V. Virolainen, D. Riniker, bibliogr. by T.M. Dviniatina, A.Ia. Lapidus. St. Petetersburg, Russian Christian Institute for Humanities Publ., 2001. 1001 p. (In Russ.)

Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: Kriticheskoe otzvyu, esse, parodii (1890–1950-e gody). Antologiia [A classic without retouching: The literary world on I.A. Bunin's works: Critical reviews, essays, parodies (1890s–1950s). Anthology], ed. by N. Mel'nikov. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010. 928 p. (In Russ.)

Kuznetsova G. *Grasskii dnevniki* [Grasse diary], intro., comment. by O. Demidova. Moscow, AST Publ., 2017. 464 p. (In Russ.)

Ladinskii A. Lidiia Arsen'eva (Chassing): Kontsert [Lidia Arsenieva (Chassing): A Concert]. *Sovremennye zapiski*, 1937, no. 65, p. 433. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin: V 2 kn. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 books. Book 1], ed. by A.N. Dubovikov and S.A. Makashin with the participation of T.G. Dinesman. Moscow, Nauka Publ., 1973. 696 p. (In Russ.)

Marchenko T. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian literature in the mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)

O.F.I. Shaliapine, I.A. Bunine, K.D. Bal'monte... (Iz «Parizhskikh vospominanii» A.P. Ladinskogo) [About F.I. Shalyapin, I.A. Bunin, K.D. Balmont... (From A.P. Ladinsky's "Paris Memories")], publ. by E. Fil'kina. *Vstrechi s proshlym. Vyp. 6* [Encounters with the past. Iss. 6]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1988, pp. 214–227. (In Russ.)

Pis'ma B.K. Zaitseva k I.A. i V.N. Buninym [B.K. Zaitsev's letters to I.A. and V.N. Bunin], publ. by M. Green. *Novyi zhurnal*, 1980, no. 140, pp. 157–181. (In Russ.)

Shraer M. Bunin i Nabokov. Istoriia sopernichestva [Bunin and Nabokov. History of rivalry]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2014. 222 p. (In Russ.)

Sofiev Iu. *Sinii dym: Stikhi i proza* [Blue smoke: Poetry and prose], comp. by N. Chernova. Almaty, 2013. 244 p. (In Russ.)

Terapiano Iu. *Vstrechi: 1926–1971* [Encounters: 1926–1971], intro., comp., ed., comment. by T.G. Yurchenko. Moscow, Intrada Publ., 2002. 384 p. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy. T. 3 [As spoken by the Bunins: I.A. and V.N. Bunin's diaries and other archival materials. Vol. 3], ed. by M. Green. Frankfurt am Main, Possev Publ., 1982. 223 p. (In Russ.)

Varshavskii V. *Nezamechennoe pokolenie* [The unnoticed generation]. Moscow, Solzhenitsyn Russian Émigrés House Publ., Russkii put' Publ., 2010. 544 p. (In Russ.)

On both sides of the iron curtain: Ivan Bunin and Antonin Ladinsky

© 2019, Anastasia Gorobets

Abstract: In the article, the history of relations between Ivan Bunin and Antonin Ladinsky in the interwar Paris of the 1920–1930s is recreated on the material of diary entries, memoirs and letters. While Bunin was a recognized master of Russian literature and a representative of the “older” generation in the literary hierarchy of Russian émigrés, Ladinsky only carried out his first literary publications in the mid-1920s. Previously unpublished materials: letters, diaries, manuscripts of the memoirs “Encounters with Bunin” and “Paris Memories” by Antonin Ladinsky testify on how the relations between writers and representatives of different literary generations developed and how Bunin influenced on Ladinsky.

Keywords: I.A. Bunin, A.P. Ladinsky, archival materials, émigrés, literary generations, relations between “older” and “younger”, ego-documents, diaries, memoirs, letters, interwar Paris.

Information about the author: Anastasia Gorobets, Master of Philosophy, University of Vienna, Austria.

E-mail: anastasija.gorobez@univie.ac.at

Citation: Gorobets Anastasia. On both sides of iron curtain: Ivan Bunin and Antonin Ladinsky. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 330–343. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-330-343